

“Two sides of Russian life and progress”: the image of Moscow and St. Petersburg at the turn of the 19–20th centuries in the English-language travelogues

A. A. Seniukhin¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-178-183

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the problem of images of the Russian Empire's capitals at the turn of the 19–20th centuries in the European and American travelogues. The paper analyzes the main elements of foreigners' ideas about Moscow and St. Petersburg and their influence on the image of Russia and Russians in general. Foreign tourists explained the cultural contrast between Russian capitals through the East-West dichotomy and concluded that the «barbaric» character of Russians was hidden behind the screen of European «civilization» created by the rulers.

Keywords: Image of Russia; travelogues; East-West dichotomy; Moscow; St. Petersburg

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Seniukhin, Aleksei A. | E-mail: asenyukhin@yandex.ru
Postgraduate

«Две стороны российской жизни и прогресса»: образ Москвы и Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX в. в англоязычных травелогах

А. А. Сеньюхин¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-178-183
УДК 94(47)+338.48

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблеме образов столиц Российской империи рубежа XIX–XX веков в сочинениях европейских и американских путешественников (травелогах). В работе анализируются основные элементы представлений иностранцев о Москве и Санкт-Петербурге и их влиянии на образ России и русских в целом. Иностранные туристы объясняли культурный контраст между российскими столицами через дихотомию «Восток—Запад» и пришли к выводу, что истинный «варварский» характер русских скрывался за ширмой европейской «цивилизации», создаваемой правителями.

Ключевые слова: Образ России; травелоги; Восток—Запад; Москва; Санкт-Петербург

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сеньюхин. Алексей Андреевич | E-mail: asenyukhin@yandex.ru
Аспирант

Тема образа России за рубежом является актуальной не только в современных общественно-политических дискуссиях, но и в гуманитарных дисциплинах (истории, филологии, культурологии), где учёные прослеживают развитие диалога культур во времени, привлекая разнообразные источники: от мемуаров и периодической печати до литературных произведений и почтовых открыток. Особый интерес среди специалистов вызывает взгляд европейцев и американцев на Российскую империю, что выражается наличием работ А. В. Павловской [1], А. Р. Ощепкова [2], Е. Л. Корниловой [3], А. А. Турлыгина [4], А. С. Медякова [5] и др.

В качестве источников этих представлений чаще всего используются труды путешественников, дипломатов или эссеистов, поскольку в них транслировались и вместе с тем формировались в публичном пространстве образы Другого. На рубеже XIX–XX в. если иностранцы в ходе

путешествия по Восточной Европе и добирались до России, то чаще всего посещали столицы — Москву и Санкт-Петербург, поэтому на основе впечатлений об этих местах они формировали мнение о стране в целом. Кроме того, в конце XIX в. Москва стала начальным пунктом нового железнодорожного пути — Транссибирской магистрали, что увеличило частоту упоминаний города в литературе путешествий по Азии. Следовательно, в трудах иностранцев о своих туристических поездках — травелогах — наиболее ярко прослеживаются образы двух российских столиц. Эта работа посвящена анализу представлений Москвы и Санкт-Петербурга в англоязычных сочинениях и их влиянию на общее видение Российской империи рубежа XIX–XX в.

Характер описания столиц в травелогах этого времени предельно схож: иностранцы уделяли большое внимание внешнему облику городов, их истории и условиям пребывания для туриста. С одной стороны, это объясняется жанровыми особенностями сочинений, в которых авторы пытались передать атмосферу места [6, с. 80]. С другой — маршруты и справочная информация о городах черпались из одних и тех же источников — путеводителей, публичных лекций, рассказов экскурсоводов, художественной литературы. Таким образом, репрезентация образов Москвы и Санкт-Петербурга у разных авторов имела много общего, что позволяет провести их сравнительный анализ.

Европейцы и американцы для объяснения контраста между Москвой и Петербургом часто использовали дихотомию «Восток—Запад», где во главу угла ставились политические, социокультурные, религиозные и ментальные различия. Как правило, оценка столиц империи иностранными туристами происходила по внешнему облику и исторической роли городов в прошлом и настоящем России.

Санкт-Петербург, естественно, ассоциировался у иностранных туристов с «Западом» и представлялся как типичный современный *европейский* город. Это неудивительно, поскольку архитекторы, возводившие столицу на Неве, вдохновлялись другими европейскими городами. Западный образ столицы империи подчёркивался и связью с истоками европейской традиции — античностью, и наибольшую связь с ней, по мнению иностранцев, имел Исаакиевский собор, чей вид сравнивали с греческим или римским пантеоном [7, р. 8; 8, р. 248]. Многие отмечали величественность города, что являлось частой характеристикой европейских столиц.

В свою очередь, Москва связывалась с «Востоком», и её описанию в травелогах уделялось много места. В облике города «восточность» подчёркивалась обилием церквей, которых иногда называли мечетями (*mosques*), а их купола — минаретами (*minarets*). Американец Чарльз Джиллис отмечал: «Несколько раз, глядя на минареты и причудливые здания, я думал, что нахожусь в Индии или Турции» [10, р. 48]. С восточной культурой связывали и Кремль, который напоминал английскому эссеисту Артуру Саймонсу «воспоминания восточного колдуна» [11, р. 165]. Другой путешественник ви-

дел в характере кремлёвских стен «что-то монгольское; возможно, это было потому, что я помнил общий след и идею Мандалайской стены» [12, р. 34].

Различия между Санкт-Петербургом и Москвой в рамках дихотомии «Запад—Восток» также проявлялись в их сравнениях со столицами других стран. Стоит отметить, что это типичный приём авторов травелогов, создающий у читателя ассоциативную связь описываемого места со знакомыми ему образами родины или иных стран. Если Петербург сравнивался с Парижем, Нью-Йорком, Лондоном, Берлином [7, р. 8; 18, р. 228], то Москва преимущественно с азиатскими и восточноевропейскими городами [13, р. 24]. Отстранённость Москвы от европейской традиции иностранные туристы подчёркивали описаниями популярных достопримечательностей: Кремля, Царь-Пушки, Собора Василия Блаженного, Храма Христа Спасителя, — в то время как другая столица была представлена Эрмитажем, Исаакиевским и Казанским соборами, Петергофом. Таким образом, Москва даже в архитектурном плане предстаёт в травелогах как старомодный, застрявший в прошлом город.

Пристальное внимание к столицам у иностранцев можно объяснить не только развитостью там туристической инфраструктуры и обилием достопримечательностей, но и убеждённостью самих туристов, что столицы репрезентируют государство и нацию. Поэтому сравнения Москвы и Санкт-Петербурга в травелогах предполагали последующее выявление характера русского народа. В этом отношении становится понятна критика Петербурга путешественниками, которые отмечали искусственность города и отсутствие у него индивидуальности [11, р. 173–174]. Подобно Шанхаю и Тяньцзиню, столица империи открыла народу «окно в Европу» для восприятия западной цивилизации [8, р. 246], но являлась репрезентацией не России или русских, а своего создателя — Петра Первого [14, р. 248]. Чтобы убедить читателей в этой идее, Маркус Тафт привёл якобы цитату российского императора: «Санкт-Петербург — русский, но это не Россия» [8, р. 246–247].

Москва, напротив, представлялась путешественникам сосредоточением национального духа, «настоящей столицей империи, пропитанной местным колоритом страны» [15, р. 242]. В отличие от Петербурга, являвшегося политическим центром империи, в старой столице была «сосредоточена вся промышленная, торговая, финансовая и религиозная жизнь России» [16, р. 177]. Такой статус подтверждался и исторически, «ибо Россия возникла из Москвы, и московские князья заложили её фундамент» [13, р. 24].

Вместе с тем через внешний облик и описания исторического пути Москвы прослеживаются характерные черты «Востока» для иностранных туристов. Лейтмотивом в травелогах этого времени были категории «богатства» и «роскоши», которые путешественники непосредственно наблюдали в Оружейной палате Кремля и православных храмах. «Богатства золота и драгоценных камней, украшающие эти священные здания», для европейца походило на роскошь арабских мечетей [9, р. 325; 14, р. 251]. Такое восприятие могло вытекать из различий в верах и мировоззрениях: «В других стра-

нах католики великолепны благодаря вере и щедрости людей старого времени; здесь наши современники установили свою веру в золоте и драгоценных камнях» [13, р. 9]. Арно Рид считал, что богатое убранство русских церквей «свидетельствует о ревностном благочестии верующих» [14, р. 246]. Похожим образом туристы оценивали и петербургские соборы: «Купола Исаакиевского собора, Казанской иконы Божией матери, Александра Невского, шпили собора Святых Петра и Павла — все это говорило нам о том, что [...] люди не считают цену великолепного жилища своей веры» [16, р. 155–156]. Таким образом, несмотря на принадлежность православия к христианству, в плане веры и мировоззрения иностранцы отделяли Россию от западного мира.

Представления о богатстве зданий, соседствующих с «варварством» местного населения, также соотносилось у западных путешественников с «Востоком». Майкл Шумейкер, который побывал на богослужении в Москве, отмечал нецивилизованный вид русских крестьян («эти тупоглазые крестьяне с тяжёлыми чертами лица»), которые не могут сравниться с «ясными интеллектуальными лицами, встречающимися в Индии» [7, р. 20]. При этом «варварство» авторы травелогов иногда связывали с прошлым и временем зависимости Руси от Золотой Орды. «Татарский след» находили как в характере русского («поскребите русского, и вы найдёте татарина» [11, р. 174]), так и в архитектуре: в монастырских стенах, башнях с куполами, величественных дворцах [7, р. 17]. Даже в Кремле, который почти всеми считался «сердцем России», Эдвард Ингхэм увидел татарские корни, потому что «слово “Кремль” — татарское и означает “крепость на холме”» [17, р. 7].

Конечно, под «варварством» авторами травелогов понималось оторванность от «цивилизации» — символа «Запада». Хотя Российская империя была вовлечена в мировую политику, а её столицы считались одними из промышленных центров Европы [13, р. 28; 15, р. 242–243], характер Москвы, а вместе с тем и всей империи говорил об обратном: «Чувствуется, что Россия [...] является средневековой, что она умственно и нравственно отстранена от всего прогресса нынешнего столетия, от всей мысли современных народов и совершенно далека от всякого соприкосновения с прогрессивными народами сегодняшнего дня» [16, р. 184].

В результате образы Москвы и Санкт-Петербурга в сочинениях европейских и американских путешественников рубежа XIX–XX в. укладывались в дихотомию «Восток—Запад». Хотя сами иностранцы зачастую признавали наличие «западных» черт в Москве и «восточных» — в Петербурге, прикрепление ярлыков стало популярной объяснительной моделью истинного характера столиц, а вместе с тем России и русских. За кажущимся дуализмом туристы видели настоящую «восточную» сущность народа и «западную» ширму, конструируемую правителями. Эту идею наиболее ярко обрисовал Арно Рид: «Москва и Санкт-Петербург произвели на меня впечатление, что эти два великих города символизируют две стороны российской жизни и прогресса. В Москве у вас есть старый город, который разделял некогда колеблющиеся состояния России, который рос по мере роста России;

любимый людьми город, к которому обращаются их религия и их верность. В Санкт-Петербурге у вас есть большой современный механический город, спроектированный человеком, который видел необходимость модернизировать Россию, как парадный вход России, ворота, в которые может войти европейская цивилизация» [14, p. 255].

Ссылки

1. Павловская А. В. Россия и Америка: проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850–1880-е гг. М.: Изд-во МГУ, 1998. 302 с.
2. Ощепков А. Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. М.: Изд-во Государственного ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 2010. 238 с.
3. Корнилова Е. Л. Образ России как мировой державы на страницах английского журнала *The Nineteenth Century* (конец XIX — начало XX в.) // *Историография и источниковедение отечественной истории: сборник научных статей и сообщений*. Вып. 5. / ред. С. Г. Каценко, Э. В. Летенков. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 351–369.
4. Турлыгин А. А. Образы прошлого и настоящего России в британской либеральной периодике 50-х гг. XIX в. // *Англоведение в современной России: кол. монография / отв. ред.: М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина*. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 207–222.
5. Медяков А. С. «Грязный злой русский»: Образ России на немецких открытках Первой мировой войны // *Российская история*. 2018. № 6. С. 65–83.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
7. Shoemaker M. M. *The great Siberian railway from St. Petersburg to Peking*. New York and London: G.P. Putnam's Sons (The Knickerbocker Press), 1903. x+243 p.
8. Taft M. L. *Strange Siberia along the Trans-Siberian railway: a journey from the Great Wall of China to the skyscrapers of Manhattan*. New York: Eaton & Mains, 1911. 260 p.
9. Roberts J. H. *A flight for life and an inside view of Mongolia*. Boston: Pilgrim, 1903. 402 p.
10. Gillis C. *A summer vacation in Iceland, Norway, Sweden and Russia*. New York: Printed for private distribution, 1898. 55 p.
11. Symons A. W. *Cities*. London: J. M. Dent & Co., 1903. xii+261p.
12. Swayne H. *Through the highlands of Siberia*. London: Rowland Ward, 1904. xiv+259 p.
13. Norman H. *All the Russias: travels and studies in contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & central Asia*: London: William Heinemann, 1902. xvi+476 p.
14. Reid A. *From Peking to Petersburg*. London: Edward Arnold, 1899. viii+300 p.
15. Lynch G. *The path of empire*. London: Duckworth & Co. 1903. xx+257 p.
16. Edwards W. S. *Through Scandinavia to Moscow*. Cincinnati: Robert Clarke Co., 1906. xiv+237 p.
17. Ingham E.G. *From Japan to Jerusalem*. London: Church Missionary Society, 1911. xiv+335 p.
18. Scott A. *Through Finland to St. Petersburg*. London: Grant Richards, 1908. 291p.